

УДК 342.2:34(091)
ББК 67.400.5+67.3

DOI 10.22394/1682-2358-2023-4-71-79

S.R. Gadisov, Candidate of Sciences (Law), Docent of the Civil Law and Process Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

GENESIS OF THE THEORIES OF SOVEREIGNTY IN WESTERN SCIENCE: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The historical and legal aspect of the genesis of sovereignty theories in Western science is investigated. Particular attention is paid to the continuity of ideas about sovereignty and the revival of certain concepts in certain historical conditions.

Key words and word-combinations: sovereignty, state, Western science.

С.Р. Гадисов, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: seytmir01@bk.ru)

ГЕНЕЗИС ТЕОРИЙ СУВЕРЕНИТЕТА В ЗАПАДНОЙ НАУКЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. При исследовании генезиса западных теорий суверенитета особое внимание сосредоточено на изучении преемственности представлений о суверенитете и возрождении определенных концепций в конкретных исторических условиях.

Ключевые слова и словосочетания: суверенитет, государство, западная наука.

Современные события, связанные со стремлением ряда государств освободиться от влияния других, с одной стороны, и желанием сохранить свое превосходство над теми, у кого есть реальный государственный суверенитет, с другой стороны, вновь ставят вопрос о содержании понятия «суверенитет» в правовой науке. Несмотря на, казалось бы, уникальность современных международных отношений, проблема независимости и самостоятельности

государств во внешней и внутренней политике не потеряла своей актуальности. Для осмысления текущих процессов в данной сфере представляется целесообразным выявить специфику исторического формирования концепций суверенитета, складывавшихся под влиянием соответствующих социальных процессов. Развитие теорий о государственном суверенитете включает ряд исторических этапов, в рамках которых можно проследить их зарождение и дальнейшую эволюцию. Отметим, что термин «суверенитет» был введен в политическую науку только в XVI в., а на протяжении XX в. от него неоднократно предлагали отказаться.

Государственный суверенитет как явление ведет свое начало с появления первых государственных образований, однако его осмысление началось гораздо позже.

Мыслители Античности в качестве одного из основных вопросов философии рассматривали оптимальный вариант управления государством и его назначение. Важные суждения о государственном суверенитете были изложены в трудах древнегреческого философа Аристотеля. В качестве одного из атрибутов государства он определял «автаркию», предполагающую способность полиса удовлетворить основные потребности граждан независимо от окружающего мира. Вместе с тем государство им не рассматривалось как самостоятельный субъект властвования, не зависимый от граждан.

В Римском государстве проблема суверенитета не ставилась, так как его мировое могущество не требовало необходимости отстаивания самостоятельности и независимости ни во внешней, ни во внутренней политике.

В период поздней Античности и в Средние века формирование концепций суверенитета обуславливалось христианскими религиозными и этическими ценностями. Принципы организации государственной власти, предложенные богословом и философом Августином Блаженным, легли в основу представлений о Божественном начале, характерном только для власти Папы Римского, и его прерогативе передавать власть земным правителям. В труде «О Граде Божьем» (413—427 гг.), написанном под впечатлением от падения Рима, мыслитель стремился обосновать идею греховности земного государства, ориентированного на принуждение людей к порядку, и рассматривал такое состояние как неизбежную расплату за их первородный грех. Беспомощным и неидеальным государствам противопоставлялись благолепие и величие Града Божьего, Божественного порядка. Наряду с защитой населения от врагов важным смыслом земных государств определялось оказание поддержки церкви [1], что высту-

пало условием подчинения общества государственной власти. Продолжателями учения Августина стали французский теолог Эгидий Римский и итальянский монах Августин Триумф [2, р. 483–484], а логической завершенности оно достигло в трудах Альвара Пелайо [3, р. 125]. Именно в это время появились взгляды, ставившие под сомнение главенство Папы Римского над правителями христианских государств. Так, Данте Алигьери, не отрицая в целом Божественное начало власти, в труде «Монархия» отразил свои представления о ненужности посредничества католического первосвященника [4, с. 128], разграничил его полномочия и полномочия глав государств и выступил против их соперничества.

По мнению Марсилиа Падуанского, притязания Римской католической церкви должны быть ограничены властью светского государства, что повышает значимость принципов земной жизни. Человеческие законы определяют наказания и награды в рамках земной жизни, а закон Божий позволяет их реализовать в загробной жизни [5, р. 314–315]. Знаковым явлением стало развитие представлений в средневековом праве Франции о том, что правитель, охраняя свое государство, выступает безусловным сувереном над всеми подданными [6]. Понятие «суверенитет» в конце XIII в. означало власть правителей над обществом.

На рубеже Средних веков и Нового времени оформляется политико-правовое учение итальянского мыслителя и политического деятеля Никколо Макиавелли о границах власти правителей, согласно которому главной политической задачей выступает государственный интерес, имеющий первичное значение по отношению к остальным запросам общества, что оправдывает насилие государственной власти над народом [7, с. 63]. При этом представление о государстве неразрывно связывалось с личностью правителя и степенью концентрации власти в его руках, а идея суверенитета возводилась в абсолют.

В трудах французского политика Жана Бодена (XVI в.) приведено классическое определение понятия суверенитета [8, р. 14], в рамках которого власть суверенных правителей, являющихся самыми великими на земле после Бога, рассматривалась как неограниченная ни по функциям, ни во времени, что, соответственно, накладывает на подданных обязательства почитать их и подчиняться их решениям. Правители обладают возможностью изменять законы по своему усмотрению и не обязаны им подчиняться, поэтому суверенитет рассматривался Ж. Боденом как неделимая и неограниченная верховная власть государства. При этом он объединил такие особенности государственной власти, как ее верховенство и независимость.

Политико-правовые идеи Ж. Бодена получили развитие в трудах английского публициста Роберта Филмера, считавшего, что даже при несправедливых поступках монарха и нарушении им церковных заповедей народ не имеет морального права выступать против него [9].

Альтернативный подход к пониманию государственного суверенитета был предложен сторонниками теории общественного договора, у истоков которой находился английский философ Томас Гоббс. В качестве суверена им рассматривается глава государства, которому подданными была делегирована прерогатива управления государством. Соответственно, гражданские и политические права человека, определяющие естественно-правовую основу верховной власти, являются непередаваемыми и неделимыми [10, с. 140]. Суверен самостоятелен в принятии решений, в том числе во внешней политике, правосудии, законотворчестве и распоряжении ресурсами. И сторонники Божественного происхождения власти, и сторонники концепции общественного договора рассматривали неограниченную власть правителя, стоящего выше гражданских законов, как наиболее правильный способ государственного управления. По мнению Т. Гоббса, верховенство власти правителя обеспечивает безопасность и для государства, и для подданных [10, с. 206]. Показательно также, что философ, рассматривая государство в качестве абсолютного суверена, ставит церковь в подчинение светскому правителю.

Голландский философ Барух Спиноза делал акцент на значимости единства государственной власти и недопустимости ее делегирования подданным. Важным аспектом суверенитета он считал самостоятельность государств во внешнеполитической деятельности [11, с. 300].

Государственный суверенитет в концепциях мыслителей XVI—XVII вв., как правило, персонифицирован и рассматривался как совокупность качеств конкретного правителя — носителя власти, а не государства.

Развитие политико-правовых идей о государстве в условиях абсолютизма способствовало осмыслению суверенитета как сущностного признака государства. Так, голландский правовед Гуго Гроций, рассматривая государство в качестве союза свободных граждан, отмечал, что оно обладает таким свойством, как суверенитет. Власть имела возможность распоряжаться людьми и их имуществом, но на нее также возлагались функции по управлению, законотворчеству и правосудию [12]. Мнение о принадлежности суверенитета народу Г. Гроций считал ложным и опасным.

Новой тенденцией в осмыслении проблемы суверенитета стало смещение акцента с проблемы происхождения государства, включающей теорию Божественного происхождения власти, на вопрос о сохранении и поддержании государственного суверенитета. Так, в политико-правовой концепции немецкого правоведа-международника, философа, историка Самуэля фон Пуфендорфа цели государства и здравый смысл ставились выше религиозных установок. При этом гражданские права не должны были ограничиваться на основании суверенитета, если это не обуславливалось решением государственных задач [13].

В Новое время формируются также представления о том, что суверенитет выражает свойство или качество определенного органа власти. Так, в Англии в период Славной революции и дальнейшего развития парламентаризма получило распространение учение о парламенте как высшем органе государственной власти. Английский политик Уильям Блэкстон считал, что «власть парламентская у нас есть самая верховнейшая, беспредельная и никем не оспариваемая» [цит. по: 14, с. 16]. Развивая данную концепцию, Дж. Остин писал, что парламентский суверенитет являлся основанием для законотворчества и никто не мог иметь право на аннулирование законодательства парламента [15, р. 36].

В идеях основоположника английского либерализма Джона Локка получила развитие идея народного суверенитета, который рассматривался как более значительный чем суверенитет государства, его создавшего [16, с. 379]. Дж. Локк выступал за то, чтобы власти тоже подпадали под действие созданных ими законов, поэтому сопротивление народа властям при нарушении его прав считалось законным.

Следующий шаг в развитии идей о народном суверенитете сделал французский мыслитель Жан-Жак Руссо, который считал, что не правители, а только народ является источником власти в государстве. Соответственно Нравственное оправдание существования власти определяется эффективностью ее служения народу [17, с. 146], а главными характеристиками суверенитета выступают его неотчуждаемость и неделимость. Теория Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете в конце XVIII в. была реализована в законодательных актах Франции и США, однако впоследствии, несмотря на ее распространенность в период буржуазных революций, происходит постепенный отказ от нее.

Концепция разделения единой государственной суверенной власти на судебную, исполнительную и законодательную была предложена французским мыслителем Шарль-Луи Монтескье [18]. Однако уже

в XIX в. акцент в осмыслении суверенитета начал смещаться в сторону закрепления внешнеполитической независимости государственной власти.

Классик немецкой философии Георг Вильгельм Фридрих Гегель различал внешнюю и внутреннюю стороны суверенитета, под которыми понимал внешнеполитическую независимость и единство всех ветвей власти [19, с. 317]. Согласно позиции Гегеля, самостоятельность государства, признаваемая другими странами, становилась главным показателем его суверенитета, а идея народного суверенитета, за исключением случаев, когда нация создает независимую от остального мира страну, отвергалась философом [19, с. 320–321].

Во второй половине XIX в. в Германии появилась теория неделимого суверенитета, содержание которого определялось общностью его внешнего и внутреннего аспектов. Так, для периода Нового времени характерна идея абсолютности суверенитета независимо от его носителя. Впоследствии такие представления были подвергнуты критике [20, с. 11–12]. Швейцарский юрист и политический деятель Иоганн Каспар Блюнчли утверждал, что государственный суверенитет не подразумевает ни абсолютной свободы, ни абсолютной независимости, так как государства являются только ограниченными в полномочиях субъектами [21, с. 213].

Новые представления о содержании суверенитета позволили прийти к выводу о существовании суверенных и несуверенных государств. Немецкий правовед, приверженец юридического позитивизма Георг Еллинек считал несуверенными страны, которые входили в состав империи или федерации и, соответственно, лишались своего суверенитета [22, с. 463]. Ему предлежит и теория о самоограничении государства правом [22, с. 463].

В начале XX в. получили распространение политико-правовые идеи о роли суверенитета в оправдании произвола власти, а также инструмента, обосновывающего правомерность абсолютизма. В связи с этим французский и немецкий теоретики права Леон Дюги и Ганс Кельзен считали необходимым отказ от государственного суверенитета как такового [23, с. 43; 24, s. 320].

На рубеже XX–XXI вв. изменения в представлениях о государственном суверенитете были обусловлены развитием процесса глобализации, а учеными начали высказываться суждения об утрате исторического значения суверенитета как сущностного признака государства. Интеграционные процессы в Европе привели к формированию новых подходов при определении понятия суверенитета

Европейского Союза, объединяющего суверенные государства, и суверенитета государств — участников ЕС [25]. Вновь появились идеи о целесообразности отказа от понятия «суверенитет» [26]. Вместе с тем актуализировались представления о совместном государственном суверенитете, отрицающем целесообразность как абсолютного суверенитета, так и отказа от суверенитета как такового. Подразумевается, что европейские и национальные власти обладают своеобразным суверенитетом, при котором сохраняется необходимость в совместном верховенстве.

С конца XX в. как официальные органы государственной власти США, так и большинство американских экспертов, отстаивая незыблемость суверенитета своей страны, отмечают возможность его временного ограничения международными обязательствами, например особыми экономическими соглашениями. При этом утрата суверенитета открывала легитимный, по мнению американских властей, путь к интернационализации того или иного конфликта [27].

В настоящее время получает развитие теория разделенного суверенитета, согласно которой распределение государственной власти происходит между различными уровнями, но вместе с тем сохраняются многочисленные зоны взаимопересечения [28].

В федеративных государствах получают распространение политико-правовые концепции, в соответствии с которыми суверенитет государства характеризуется исключительно как неделимый и единый. При этом уточняется, что суверенитет принадлежит либо союзному государству (федерации), либо субъектам. К примеру, конфедерацию нельзя признать государством, если она не имеет суверенитета, которым обладают ее субъекты.

По мнению Г. Еллинека, федерация обладает суверенитетом. Ученый утверждал, что компетенцию государства разделить можно, но его суверенитет неделим, он не уменьшается и не возрастает. Подчеркивая исключительность государственного суверенитета федерации, субъекты федерации он также представлял в качестве государств. К примеру, германские союзные государства признавались им в качестве отдельных субъектов права в силу их способности к самоорганизации по собственным конституциям и законам, а не законам империи [22, с. 359].

Если же не признавать в качестве государств субъекты федерации, то в федеративном государстве задача суверенитета во многом решается сама по себе. В отдельных странах субъекты федерации называются по-разному, но необходимо адекватно понимать сам термин «государство», используемый для обозначения субъектов

федерации. Слово «штат», применяемое в США, Индии, Бразилии, Австралии и Мексике для названия субъектов федерации, в русском языке понимается часто как «государство». Субъекты федерации в аргентинской конституции именуется государствами, а в конституциях ряда земель ФРГ (Саксония, Бавария) используется термин «свободное немецкое государство». Обозначение субъекта федерации термином «государство» вовсе не подразумевает его суверенности. Фактически в названных странах «государства» и штаты, являясь субъектами федерации, государствами с точки зрения их сущности не являются.

Таким образом, представления о государственном суверенитете определялись историческим контекстом, обусловленным спецификой политического развития, уровнем философских и научных знаний, во многом определявшими тенденции развития представлений о государстве. Прослеживаются как преемственность представлений о суверенитете, так и возрождение отдельных концепций в определенных исторических условиях. Развитие политико-правовых представлений о суверенитете прошло путь от его персонификации до признания важнейшим атрибутом государства, что предполагало дистанцирование от его носителей, а также признания несостоятельности теории народного суверенитета. Следовательно, можно выделить периоды развития представлений о суверенитете, которые в целом совпадают с основными вехами эволюции западного общества в периоды Античности, Средневековья, Нового и Новейшего времени. Современные реалии продолжают оказывать влияние на осмысление содержания и пределов суверенитета.

Библиографический список

1. *Августин Аврелий*. О граде Божьем // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М., 2000. С. 84–85.
2. Augustine of Ancona. *Summa on Ecclesiastical Power (selections)* // The Cambridge Translations of Medieval Philosophical Texts. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Vol. 2: Ethics and Political Philosophy.
3. *Harnack A.* History of Dogma. London: Williams & Norgate, 1899. Vol. 6.
4. *Данте А.* Монархия. М., 1999.
5. *Marcelius of Padua.* Defensor Pacis. New York, 2001.
6. Кутюмы Бовези // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / пер. Э.И. Лисохиной. М., 1961.
7. *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990.
8. *Bodin J.* Six Books of the Commonwealth. Cambridge, 1962.
9. *Filmer R.* Patriare ha, or the Natural Power of Kings URL: <http://www.constitution.org/eng/patriarcha.htm>

10. Гоббс Т. Левиафан. М., 1936.
11. Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2.
12. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994.
13. Pufendorf S. On the Duty of Man and Citizen According to the Natural Law. New York, 1964.
14. Дорогин В. Суверенитет в советском государственном праве. М., 1948.
15. Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. London, 1915.
16. Локк Дж. Сочинения.
17. Лазаревский Н.И. Русское государственное право: Конституционное право. Пг., 1917. Т. 1, вып. 1.
18. Монтескье Ш. Избранные произведения о духе законов. URL: <http://readr.ru/sharl-monteske-izbrannii-proizvedeniya-o-duhe-zakonov.html>
19. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
20. Марченко М.Н. Миф о формировании мирового государства и права в условиях глобализации // Вестник Московского университета. Сер.: 11. Право. 2003. № 2.
21. Яценко А. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912.
22. Еллинек Г. Общее учение о государстве. Право современного государства.
23. Вишняк М.В. Идея суверенитета в политической доктрине прежде и теперь // Юридический вестник. 1917. Кн. 17 (I).
24. Kelsen H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts. Tübingen, 1920.
25. Phelan D. Revolt or Revolution: The Constitutional Boundaries of the European Community. Dublin, 1997.
26. MacCormick N. Beyond the Sovereign State. The Modern Law Review, 1993. P. 1–18.
27. Катков А.Д. История американской внешнеполитической мысли: трактовки суверенитета США в конце XX – начале XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, № 1. С. 43–59.
28. Krasner S. Sharing Sovereignty. New Institutions for Collapsed and Failing States. 2004. P. 85–120.